

ГЛАВА 4.

Поскольку интервью с Дадли Дэполито прошло чрезвычайно удачно, то я решила, что буду узнавать о женщинах Патпонга от западных мужчин. Я напечатала объявление, в котором написала: «Я аспирантка, изучаю тему «Проститутки Патпонга». Если у вас есть интересные, забавные или печальные истории о них, пожалуйста, позвоните мне».

Затем я пошла на Каосан Роуд, чтобы развесить объявления. Интересно, мог бы кто-нибудь из госчиновников понять, что это объявление повесила я, и приехать за мной? Хотелось бы надеяться, что ни у кого из Национального исследовательского совета не было причин приехать в этот район. Я знала, что Каосан Роуд – это совсем не то место, где можно встретить людей и туристов с высоким бюджетом. Эта улица обслуживала малобюджетных туристов и путешественников, здесь было равное количество как женщин, так и мужчин. Вряд ли кто-то здесь стал бы искать компанию проституток. Но для проверки моей теории это было отличное место. Однажды из анкетного опросника я узнала, что вопросы, которые я считала простыми и ясными, можно извратить самым причудливым образом.

Я знала, что произойдет что-то непредвиденное. Вместо того чтобы получать информацию от мужчин, готовых обсуждать эту тему, объявление привлекло западных женщин, любопытствующих результатами моих исследований.

Улица Каосан Роуд располагала множеством ночлежек и дешевых ресторанов, а так же туристических агентств для небогатых туристов-бэкпекеров. Я не успела развесить и половины объявлений, как ко мне подбежали две австралийки со всклоченными волосами и яркими браслетами на руках.

– Привет, – сказала одна из них. – Мы увидели ваше объявление и хотели бы пригласить вас потрепаться. Не присоединитесь ли вы к нам на чай?

Мы втроем пошли в кафе, где они оставили свои вещи. Они спросили, что я думаю о девушках из баров и хотели узнать мое мнение о том самом Патпонге. Хотя я сама едва ли много знала, но в этом вопросе почувствовала себя экспертом.

– Вы должны обходить стороной те бары, где вас могут обмануть и кинуть на деньги. Они спросят завышенную цену, иначе пошлют к вам гигантского человека в платье.

У них тоже была информация для меня. Они посоветовали мне поискать новозеландского хозяина бара Cleopatra. Однажды они встретили его на Патпонге, и он пригласил их на экскурсию. Австралийки ткнули друг в друга локтями и расхохотались. Тот тип просто хотел похвастаться, каков идиот!

– Тебе стоит с ним познакомиться, – сказала одна из них, громко засмеявшись и хлопнув себя по ноге.

– Подожди, пока не увидишь сама его выдающиеся навощенные усы. Исключительный балбес. Его зовут Дэвид. Ярчайший пример иностранного типа в Таиланде.

Поблагодарив австралиек за советы и чай, я отправилась дальше.

Когда я вернулась домой, мне позвонила какая-то американка по имени Линда. Она также прочла объявление и хотела поговорить. Живая реакция женщин – это было не совсем то, что я хотела, но какого черта... Я согласилась встретиться с ней следующим вечером. В свои тридцать она была высокой, ширококостной, с короткими белокурыми локонами, обрамляющими лицо. Линда приехала из Санта-Барбары, Калифорния. Она жила в Таиланде полтора года, работая поваром на паруснике, пришвартованном на острове Пхукет, туристическом курорте. Один эпизод с девушкой из бара расстроил ее, и она хотела это обсудить.

– Я уезжаю на следующей неделе, – сказала она. – С этими местными девками мне всё время было не по себе. Приходилось заставлять себя полностью дистанцироваться, так они на меня воздействовали.

– Как воздействовали? – спросила я.

– Негативно, особенно в контексте западных мужчин. Они будто ковыряли ножом в самом уязвимом месте, они заставляли меня чувствовать себя ничтожеством. Тайские девочки делают абсолютно все для них, все что угодно, и мужчины принимают это как должное. Избалованные и заевшиеся, мужики делят своих тайских подруг на «главных» и «дополнительных», точно также и своих тайских жен. Как женщина я чувствовала себя здесь никчемной.

– Я понимаю, о чем вы говорите, меня они также воспринимают, а еще они считают, что меня здесь вообще быть не должно. На борту были девочки?

– Да все время. У английского капитана была своя постоянная подруга, которую он подцепил в бангкокском баре, и жил с ней на борту. Затем он решил причалить к берегу, чтобы встретиться со второй местной подругой.

– И каков он был?

– Да эти девки крутили им как хотели, заставляя выполнять любые прихоти. Денег они из него вытянули прилично. Не сказать, чтобы он был совсем уж мне противен. Но он, конечно же, никогда не думал обо мне как о женщине, разумеется. Зачем ему тратить время со мной, если на берегу полно рабынь, готовых к стирке его носков?

– Все они были проститутками?

– Секс в первый раз – чисто коммерческая сделка. Но их цель состоит в том, чтобы подцепить «дружка», и они быстро меняют свое поведение с коммерции на любовь. Тогда они начинают получать деньги для себя и своих иждивенцев.

– Значит, вы уезжаете из Таиланда в другую страну?

– Нет, – ответила она со вздохом. – Мой первоначальный план состоял в том, чтобы работать по всему миру на парусных судах. Но Пхукет полностью деморализовал меня. Я возвращаюсь домой, чтобы быть там «неправильным» полом, с «неправильной» национальностью, которая чересчур многочисленна, слишком свободная и чрезмерно хитрая. Я больше не смогу вынести вида еще одной хитрой лисьей морды азиатской бабы. Вы только гляньте на это.

Линда полезла в сумочку.

– Я не могу скрыться от этих сексуальных богинь даже в своем собственном гостиничном номере.

Она протянула мне фотку тайской девушки с голой грудью, стоящей в море. На обратной стороне было написано – «С любовью... от меня... тебе... Пожалуйста, помни меня..., когда тебе будет грустно... или одиноко... я не люблю тебя, но я скупаю по тебе, Таиланд любит тебя».

– Я нашла ее на стене над моей кроватью в гостинице, – сказала Линда с горечью в голосе.

Я решила поискать Дэвида, владельца бара Cleopatra, про которого мне рассказывали австралийки. Я полагала, что бар Cleopatra находится на Патпонге-2, там, где были различные обнаженные

танцы, трюк-шоу, секс-шоу и прочие секс-развлечения. Все бары на вторых этажах были закрыты, но туристы не знали об этом. За дверью был человек, он все время смотрел в глазок, и сразу же открывал дверь, как только к ней подходили. Когда я поднялась на лестницу в бар Cleopatra, дверь распахнулась.

– Вы знаете Дэвида? – спросила я человека. – Он новозеландец, с вот такими усами? – спросила я, изобразив на лице лихо закрученные на щеках усы.

– Нет, его нет. Приезжаете позже. В четыре часа.

Я знала, что это означает 10 часов, а не 4 часа. Тайцы делили день из двадцати четырех часов на четыре шестичасовых периода, а не на два двенадцатичасовых периода, как это делали на Западе. Я научилась понимать их и больше не ошибаться.

Когда я спускалась по лестнице, мне показалось, что я увидела Дэвида, который сидел в баре на открытом воздухе. Ну кто еще мог носить такую колумбийскую шляпу и вощные усы? Он наблюдал за мной заинтересованным мужским взглядом.

– Это вы Дэвид? – спросила я его, подойдя ближе.

Он довольно кивнул, как будто ждал, что я его узнаю.

– Привет. Я Клео, мое имя звучит почти так же, как название вашего бара. Я только что была наверху и спрашивала о вас.

Я сказала ему о двух женщинах, которые предложили мне встретиться с ним, и ему, казалось, очень понравилось, что кто-то его рекомендовал. Я рассказала, что я студентка, но не стала говорить про исследование, потому что хотела увидеть его в привычной среде, ведущим себя естественно. После опыта в школе Empower мне стоило играть наивного туриста, и это казалось мне благоразумным.

– Они сказали, что вы знаток здешних улиц, – сказала я ему.

Я распахнула глаза пошире, чтобы выглядеть наивнее, стараясь увести беседу подальше от моих истинных мотивов. Но можно было и не особо стараться. У Дэвида была только одна тема для разговора – он сам! Великолепно, это именно то, что мне надо – профиль европейца, хозяина бара, в его повседневной жизни. Он заказал мне содовую.

– Я здесь полубог. Все женщины Патпонга любят меня, а мужчины ненавидят.

Прекрасно, просто прекрасно, радовалась я, и не могла дождаться, чтобы убежать в дамскую комнату, чтобы записать слово «полубог».

– О, правда? – сказала я.

– Я сутенер, – затем сказал он, внимательно глядя на меня, чтобы проверить мою реакцию. Он рассказал о своей недавней поездке вглубь страны, чтобы найти новых девушек для работы в Cleopatra.

– Сколько времени вы в этом бизнесе?

– Уже полтора года. Я владею только третей частью этого заведения. У меня еще есть два китайских партнера. А вообще я когда-то изначально был анестезиологом. Я уехал из Новой Зеландии и работал в израильской, а затем и в африканской армии. Я бросил анестезиологию, когда мне было тридцать лет. Теперь мне тридцать семь и я гинеколог, – засмеявшись, произнес он и залпом проглотил свой джин с тоником. – Я делаю еженедельные осмотры в Cleo, проверяя девочек на гонорею. Не спрашивайте меня ничего о СПИДе. Об этом я ничего не знаю.

– Вы делаете это в своей лаборатории?

Он поколебался и неуверенно ответил «да».

– Но вы ведь можете сказать, взглянув, если есть инфекция?

Он сделал еще глоток, а я отметила про себя, что его лицо выражало спокойствие, несмотря на мои вопросы как на экзамене. Он сообщил о низком уровне венерических заболеваний.

– Женщины постоянно моются, – объяснил он.

После столь большого количества информации он заплатил за наши напитки и предложил провести для меня экскурсию на улице. Сначала мы пошли в Pussy Galore Bar. Когда мы вошли, он сказал, что женщины будут сходить с ума от ревности, видя меня с ним. Мы сидели в баре, а танцующие голые девицы на сцене пожирали нас глазами.

Одна выкрикнула в его сторону: «Она твоя поклонница?» Другая же согнула пальцы в форме кольца и засунула туда палец другой руки, спросив: «Этим вы займетесь сегодня вечером?».

Дэвид не ответил, но положил руку мне на плечо, и я внезапно задалась вопросом, это во что это такое я влезла? Он оплатил счет, мы поехали в другой бар, и я поняла, что надо было обязательно самой платить за свою выпивку. Нужно сломать этот сценарий нашей встречи, иначе я попаду в беду.

Мы прошли через зал с названием «Борзые писки». Снова мы сидели в центре бара.

Он указал на танцовщицу на сцене, которая держала прикуренную сигарету.

– Она слишком долго держит сигарету, после того как снимает свое бикини. Ей надо делать это побыстрее и снимать трусы пораньше.

Хотя я уже видела шоу «сигарета в писе» в баре Winners, с Дэвидом я взглянула на это дело по-другому. Это внезапно стало интимным. Обнаженная стриптизерша была женщиной, и я, сидящая рядом с Дэвидом, тоже была женщиной. Я сгорала от смущения, когда она сняла трусы и затолкнула сигарету в себя.

Дэвид обратил мое внимание на двух мужчин, которые сидели напротив нас в баре.

– Они ненавидят меня, – сказал он, – из-за моей внешности. У меня всегда есть проблемы с мужчинами, бросающими вызов мне из-за моей внешности.

Я не считала внешность Дэвида особо чарующей. Его самооценка была типичной для западных мужчин, живущих в Таиланде. Они считали себя супер-мачо и чрезвычайно ценили то мнение, которое поддерживали девушки из баров.

– Что вы думаете о тайских мужчинах Патпонга? – спросила я его.

– А что с тайскими мужчинами? – спросил он, будто впервые услышав это.

– Патпонг полон тайских мужчин! Там, снаружи.

Я указала на длинноволосого диджея, прослушивающего записи в приоткрытой кабинке.

– Их? Мрази! Слизь! Они не мужчины, – сказал он с чувством. – Куча подонков. Их следует всех поставить к стене и расстрелять. Они пытаются жить за счет девчонок, а девочки не хотят иметь ничего общего с ними.

Вдруг внимание Дэвида сосредоточилось на другой стороне помещения, далеко от меня. Долгое время он полностью игнорировал меня. Наконец, повернувшись в пол-оборота, он прошептал уголком рта: «Тот парень хочет убить меня. Мне нельзя поворачиваться к нему спиной».

По мне побежали мурашки, когда я увидела испуг в глазах Дэвида. Вот дерьмо. Все мои страхи и истории про мафию вернулись с утренней силой. Дэвид столкнулся с давним врагом из-за мести? Или это был человек, который следил за мной? Я украдкой взглянула на него через зеркало, узнать, есть ли оружие в его руках. Там ничего не было, но, возможно, оно было в кармане. Он был один или с сообщником? Может, изобразить, что мне плохо и по-быстрому свалить? Может, мне нужно медленно переместиться в самый дальний угол? Мужчина встал. Я представила пулю, которая пролетит через голову Дэвида прямо в мою. Я обдумывала идею броситься на пол и ползти под стульями к дальней стене. Но мужчина ушел, так и не оплатив счет.

Я сказала, что заплачу за себя, но Дэвид схватил счет и с явным облегчением, читавшимся на его лице, указал на напиток того человека и двинулся к бармену, чтобы оплатить его.

– И что, вы оплачиваете счет за него? Почему? – спросила я, глубоко дыша, стараясь привести свой сердечный ритм в порядок.

– Почему? Я никогда прежде не видел этого парня. Ему не понравилась моя внешность.

Мое облегчение приобрело оттенок досады. Дэвид заставил меня чувствовать напряжение.

Далее мы с Дэвидом вернулись в Cleopatra. В баре не было трюков и шоу с писами, только четырнадцать танцующих голых женщин.

– Но у нас есть два «факинг-шоу» этой ночью, – сказал он мне. – Первое вот-вот начнется.

– О, правда?

Я действительно хотела увидеть шоу, хотела видеть все, что происходило на Патпонге. Но я совсем не хотела смотреть на это с Дэвидом. Когда он заказал напитки, я настояла на том, чтобы оплатить их.

– Да оплачивай, если хочешь, – сказал он. – Я пил сегодня с полудня, и это становится дорогим удовольствием. Я пью целыми днями до закрытия.

Он вытянул руку и показал, как она подрагивает, стараясь показать, что он чувствует, когда просыпается утром.

Я поняла, насколько он пьян, когда он не смог ровно поставить свой стакан на стол, и задел чашу со свечой. Плохое предчувствие, возникшие в другом баре, снова возвращалось. Стоило ли мне общаться к моему исследованию владельца бара? Как мне поступить?

– Все наши девушки чистые, и проходят еженедельные осмотры.

О боже, кто бы мог подумать, что все это делает тип с таким смачным характером, сидящий рядом со мной. С другой стороны, все эти детали жизни Дэвида были довольно впечатляющими. Я запомнила фразу про проверку и помчалась в дамскую комнату, чтобы записать это.

Я вернулась вовремя, как раз когда начиналось шоу. Два матраса были разложены в разных концах сцены, а между ними красовалась ванна, наполненная водой. Шоу началось с того, что три голых женщины повисели вниз головой, с раздвинутыми ногами, приготовившись зажечь бенгальские огни в своих влагилицах. Свет в клубе померк, и диджей поставил мелодию Happy Birthday To You. Я задалась вопросом, не обожжет ли женщин фейерверк, а вдруг их

лобковые волосы загорятся? Затем на одном из матрасов началось факинг-шоу с девушкой и парнем, на другом матрасе были девушка с девушкой, а между ними купалась в ванной еще одна.

Должна ли я показаться в шоке, как новичок в этом вопросе? Или сделать вид, словно я и не такое видала? Я посмотрела на Дэвида и поняла, что он видит это каждый день. Это, казалось, вызывало в нем не больше интереса, чем уличный жонглер или фокусник с картами.

По правде говоря, шоу с мужчиной и женщиной выглядело неэротично. Выглядело все так, будто участникам давно это все надоело, и они явно не наслаждались сексом. Мужчина выполнял кунилингус приблизительно десять секунд. Столько же женщина делала ему минет. В какой-то момент человек вытянул шею, и посмотрел через сцену в зеркало, чтобы поправить свои волосы. Парочка трахалась в каждой возможной позе, но мужчина ограничивался только двумя толчками в каждой. Когда пара перестала двигаться, бармены зааплодировали, сигнализируя, что это конец шоу. Мужчина закончил свое дело и ушел со сцены, придерживая рукой эрегированный член.

– Парень никогда не кончает, – прокомментировал Дэвид так, будто речь шла о ремонтнике, устанавливающим телефон.

– Сколько шоу он делает за ночь?

– Два здесь, но они работают в нескольких клубах, возможно шесть или восемь шоу за ночь. Он втирает бирманский бальзам в член, чтобы тот оставался твердым.

Когда танцоры вернулись на сцену, Дэвид указал на новых девочек, а также на леди-боя, у которого были силиконовые груди, но еще не ампутированный член.

Затем он начал ворчать по поводу того, что три танцующие женщины были в бикини.

– Это понятно для трансвеститов, но мои клиенты приезжают, чтобы смотреть на голых женщин. Они хотят видеть женщин, голых и униженных.

Его кулак стукнул по столу так, что пепельница подпрыгнула и укатилась пол стол. Вскоре одна из девочек, танцующих на сцене, подошла к нашему столику. Дэвид подозвал ее и попытался стянуть с нее бикини, но она попятилась. Он жестами объяснял ей, чтобы она сняла их во время танцев.

– Я стесняюсь, – сказала она и отошла с улыбкой, как будто Дэвид сказал это не всерьез. Его ярость завибрировала в воздухе. Он

допил свою выпивку, и, стукнув стаканом, сбил со стола дольки апельсина. Он замахнулся и бросил апельсин через всю комнату в стену, на которой осталось мокрое клейкое пятно.

– Завтра она уедет.

Я задалась вопросом, а имел ли Дэвид вообще какое-либо отношение к управлению баром Cleopatra? Китайский партнер, с которым меня познакомили, казалось, полностью отвечал за это место. Ярость Дэвида, однако, была вполне реальна, и когда он оглянулся, чтобы найти, на ком бы сорваться, я быстро выложила деньги за последний счет. Я хотела было убежать, не желая привлекать к себе внимание.

– Проклятые бабы. Надо бы поставить их на место! – выругался Дэвид, не найдя своей цели.

Мне было противно и хотелось сжаться или исчезнуть, чтобы избежать этого гнева, который достался и мне тоже. Казалось, он был готов сорваться на ком-то еще раз.

– Давай выбираться отсюда вместе, – сказал он.

Выйдя на улицу, я стала прикидывать варианты, как бы поизощнее закончить этот вечер. В пьяном гневe Дэвид натянул свою шляпу на лоб. Ему приходилось поднимать подбородок, чтобы хоть что-то увидеть краешком глаза. Прямо идти он не мог и качался то вправо, то влево, и часто терял равновесие. Мы шли по улице, как шахматные фигуры, три шага вперед, один в сторону. Наверное, надо было лучше взяться за тему «Рисовые фермеры», думала в этот момент я. Однако я не успела об этом до конца поразмыслить, потому что он схватил меня за руку и утащил в какой-то бар. У меня не было ни единого шанса уговорить его пойти куда-нибудь в другое место. Я знала английского владельца Memphis Queen. Многие бары Патпонга принадлежали фарангам. Технически, иностранцам не разрешалось владеть больше чем 49% любой недвижимостью в Таиланде, поэтому они записывали документы на своих местных жен или подруг. Я также знала тайскую жену этого валлийского владельца. Я умерла бы, если бы кто-нибудь из них узнал меня и упомянул про мое исследование уже раздраженному донельзя Дэвиду. Как бы он отреагировал, обнаружив, что я изучаю его? Вряд ли положительно, этого-то я и боялась.

Мы сидели на диване около сцены, и я пыталась не смотреть в бар, чтобы не попасться на глаза кому-либо из знакомых. Теперь отвратительное настроение Дэвида повысилось, но, к сожалению, тому причиной стала похоть. О не-е-ет! Он схватил меня за плечо

и дернул поближе к себе. Я так надеялась этого избежать. Пускай бы лучше злился! Стоило бы научиться избегать таких ситуаций. Я пыталась придумать, как сказать ему о том, что не собираюсь спать с ним. К нам подошел мальчик, продавец роз, Дэвид сразу купил для меня три и получил от продавца еще две в подарок. Вот теперь я точно попала, сижу тут с пятью розами в руке, будто за мной ухаживают.

Я попыталась вообразить себя известным этнографом, которому открываются тайны, и он обнаруживает важные социальные явления, но тут я повернулась чтобы понаблюдать за девушками из гоу-гоу. Одна из них строила какие-то гримасы в сторону Дэвида. Оттопырив губы, она обнажила десны.

Дэвид принялся объяснять:

– Я однажды дал кулаком ей по роже и выбил зубы. Пришлось заплатить пять тысяч батов, чтобы купить ей новые.

Я не знала, что и ответить. Этот фаранг оказался опаснее, чем тайские гангстеры или государственные чиновники. Я всерьез задумалась насчет того, чтобы стартануть бегом до двери. Но ссориться с ним не стоило. Мне предстоял еще целый год для изучения улиц Патпонга, и я не могла рисковать и терять свой шанс. Разгневанный владелец бара мог разрушить мои планы.

Когда девушка с зубным протезом закончила свои дела, она пришла и села рядом с нами. Я была уверена, что она под кайфом. Она продолжала нелепо оттягивать губы при виде Дэвида, и делать «ха-ха-ха» мне в лицо. Дэвид, шутя с нею, положил свою руку мне на грудь. Я отодвинулась.

– Уведи меня отсюда! – смело сказала я ему. – Я хочу уйти.

До полуночи было еще далеко, и я рассчитывала, что могу требовать к себе уважения, и в конце концов отправиться домой.

Поэтому я позволила Дэвиду отвести меня в Thigh Bar. К этому времени он уже не мог членораздельно разговаривать. Мы сидели в конце бара, перед нами на стойке стоял стакан, и Дэвид, отодвинув его, наклонился и внезапно засунул язык мне в рот. Я хихикала и отшучивалась, но отодвинулась подальше от него. Я не хотела, чтобы он одновременно разозлился и одурел от похоти. Делала чинный и скромный вид, стараясь держаться подальше, вне досягаемости.

– Нет, нет! – сказала я детским голосом, покачивая указательным пальчиком перед ним. Даже Дорис Дей, в этот момент, возможно, не была бы более слащавой. Я чувствовала себя нелепо. Танцов-

щица следила за мной, целиком и полностью замороженная моим поведением. Я чувствовала себя забавно, будто «хорошая девочка» среди шлюх. Но если бы это слово сорвалось с моих уст, то оно навсегда разрушило бы мою репутацию среди этих женщин.

– Я не буду спать с тобой сегодня ночью, – сказала я Дэвиду, уловив его молчаливую ухмылку.

– Ох, да я и не ждал этого от тебя... Просто проведи сегодня ночь в моем доме, – произнес он после долгой паузы. – Никакого секса. Я подарю тебе лучший массаж в твоей жизни. Он положил руку на мое бедро.

– Сегодня вечером не получится, – сказала я, подчеркивая слово «сегодня вечером» таким образом, чтобы он не растолковал мою фразу «никогда, даже через миллион лет, если ты приползешь на коленях...» Я убрала его руку от меня и вложила в нее стакан с его джин-тоником. Все танцовщицы гоу-гоу как одна уставились на меня. Я чувствовала себя полной идиоткой. Появился швейцарец, владелец бара, он, нахмурившись, глядел на нас какое-то время. Мы сидели на его месте. Стакан был его. Хотя человек показывал, что все нормально, мы с Дэвидом пересели. Вскоре владелец начал вопить на пожилую тайку, которая стояла поблизости и что-то считала. Бедная женщина сжалась. А дядя продолжал распинаться.

– Кто-то нарывается на неприятности, – сказал Дэвид.

– Вам надо их бить время от времени, – внезапно сказал он и сам испугался своих слов. Глаза у него выпучились и трусливо забежали. Шепотом он показал мне на телохранителя позади нас. Я повернулась и увидела мускулистого человека в углу. Он действительно выглядел свирепым, но не смотрел на нас яростно. Но теперь Дэвид сидел в ужасе.

– Нас тут могли сегодня убить, – сказал он дрожащим голосом.

Владелец все продолжал вопить на женщину, а Дэвид воспринимал упреки в свой адрес. Когда телохранитель что-то крикнул через всю комнату, руки Дэвида задрожали. Он едва мог держать свой стакан.

– Простите, – сказал Дэвид владельцу. – Я правда сожалею. Человек махнул рукой, он не строил из этого проблемы.

– Я правда искренне сожалею. Позвольте купить вам выпить.

Владелец отказался. Дэвид сложил молитвенно руки и поклонился перед ним в тайском стиле.

– Простите, простите.

– Давай попробуем свалить отсюда, – прошептал мне Дэвид.

Он положил деньги за выпивку на барную стойку и огляделся. Чуть штаны не обделал от страха. Мы встали и осторожно пошли к двери. Дэвид начал танцевать.

– Танцуй, пока идем до двери, и особенно мимо вышибалы, – посоветовал он.

Так что я шла и танцевала. Мы оба шли и пританцовывали в проходе, состроив легкомысленный и беззаботный вид. Я откинула волосы и выделывала па ногами, махая при этом розами в воздухе. Дэвид щелкнул пальцами, закрыл глаза и начал подпевать Мадонне:

– And I am a material girl!

– Оу-е!

Вышибала подвинулся, а мы утанцевали за дверь и еще немного потанцевали на тротуаре. Довольный что жив, Дэвид шутил со швейцаром. Клоунада ликования заключенного, которому отложили исполнение приговора, продолжалась. Он изобразил, будто его убивают выстрелом в живот и он плашмя падает на тротуар.

В конце концов он встал и последовал за мной, в сторону Силом-Роуд.

Я повернулась к нему спиной:

– Я иду домой. Спокойной ночи. Спасибо за прекрасный вечер.

Оставив его на Патпонге-1, я поспешила на Патпонг-3, отчаянно желая повидаться с Джеком и попробовать очистить мой воспаленный мозг от воспоминаний этой ужасной ночи. Какая эмоциональная гимнастика! Страх, облегчение, смущение, стыд, страх, гнев, позор, облегчение. Мои надпочечники, вырабатывающие адреналин, сегодня перетрудились. В будущем надо бы держаться подальше от западных мужчин на Патпонге. Австралийки были правы, Дэвид любил показывать Патпонг западным женщинам, чтобы порисоваться. Я не позволю ему еще раз использовать меня в качестве восхищенной поклонницы его дешевого богоподобного величества.

Увидев Джека на углу, я тут же взбодрилась.

– Привет! Знал бы ты, какую ночь я провела сегодня.

– О-ох! Я тоже. Я прошел много километров туда и сюда.

– Ты делал деньги?

– Иногда да.

– Скажи, как ты оплачивал за колледж?

– Я все сделаю для себя, я много работаю, чтобы пробиться по жизни.

– Но ты не был сегодня на Патпонге, верно?

– Нет. Я делать бизнес.

– На Патпонге лучше платят?

– Патпонг может помочь делать очень много денег. Иногда я ужасно себя чувствую, когда работаю слишком много. Это нечестно, неприятно, так вы говорите...?

– Законно?

– Да. Я буду работать на Патпонге до своего следующего дня рождения, до двадцати шести. Двадцать пять плохой возраст для тайского народа. Эта цифра приносит неудачу. В следующем году я буду работать в офисе, лега... легаментивно?

– Легально.

– Да. Вы хороши для меня. Я учу английский язык. Я преподам тебе тайский язык. Когда я буду работать в офисе, я буду мало зарабатывать. Максимум только 1 700 батов за месяц. Недостаточно для жизни и помощи матери. Но у матери будет радость, когда я делать законный бизнес.

– Законный, за-кон-ный...

Мы выговорили это слово вместе и засмеялись.

– Как сказать это на тайском языке? – спросила я.

– Sujareet. Ты можешь сказать?

– Sujareet?

– Почти.

– Достаточно хорошо?

– Достаточно хорошо для фаранга.

– Сегодня мы идем пить кофе?

– О, нет. Я снова бегу домой. Увидимся в следующий раз. До свидания.

Так что я потащилась по забитой улице на Силом-Роуд. Мне нужно была толкаться локтями, прокладывая себе путь сквозь покупателей, разглядывающих лотки торговцев. Может быть, в один прекрасный день я бы сходила с ним выпить кофе. Кажется, тайцы нравились мне куда больше чем фаранги. История Джека могла бы также описать ситуацию о бедности в Таиланде. Я слышала и прежде, что тайцы считают двадцатипятилетний возраст неудачным. Почему Джек хотел работать на Патпонге весь этот неудачный год? Может быть, я узнаю ответ на этот вопрос. Кроме того, я любила разговаривать с ним, он успокаивал меня, он был на моей волне, а этого мне так не хватало в последнее время. Я не понимала почему.